

классах. Появление этого словаря встретили с большим удовольствием не только школьники и их учителя, но и родители учеников. Успех в процессе работы над этим словарем был предопределен тем, что ученый имел уже и до этого достаточно большой лексикографический опыт: он является автором широко используемого в школах республики «Татарско-русского учебного словаря», который неоднократно был переиздан в Москве и Казани.

Все это – вклад ученого в дело практического выполнения Программы Республики Татарстан по реализации Закона о языках.

Работая в 1984–1992 годы в качестве директора Татарского филиала Института национальных школ, Ф.Ю.Юсупов принимал активное участие в общественной жизни республики, возглавлял научно-методический семинар учителей г.Казани, был членом учебно-методического совета при Министерстве образования, а также членом редколлегии журнала «Магариф».

В конце 1980-х годов Фарит Юсупович возглавляет комитет по образованию в Государственной комиссии по решению проблем крымских татар, руководил которой тогдашний министр иностранных дел А.А.Громыко. При коорди-

нации Юсупова начали работать научно-методические группы по созданию первых программ и учебников для крымскотатарских школ. Сам он стал автором учебника «Алифба» («Букварь») для крымских татар, красочно изданного в Киеве.

Заслуженный деятель науки Республики Татарстан, профессор Казанского государственного университета Фарит Юсупович Юсупов награжден медалями имени Д.М.Ушинского, «За самоотверженный труд», он – отличник просвещения СССР и Российской Федерации, член Российского тюркологического комитета, ассоциации исследователей Востока, а также научных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций в КГУ и Институте национальных школ в Москве. За большой вклад в развитие татарского и тюркского языков он избран членом-корреспондентом Международного общества тюркского языка, а Международный автобиографический центр в Англии вполне заслуженно включил его в число самых известных людей планеты в XX веке.

Васил Гарифуллин,
*доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
татарской журналистики КГУ*

«БИОЛОГИЧЕСКАЯ» УТОПИЯ К.С.МЕРЕЖКОВСКОГО

«Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой», — пропел поэт полтора века тому назад гимн мечтателю. Немало таких «снов» было связано с фантазиями о лучшем будущем.

Одним из тех, кто своей способностью мечтать осуществлял «забросы в будущее», показывая возможные перспективы человечеству, был и профессор Казанского университета Константин Сергеевич Мережковский (1855–1921), старший брат известного писателя Серебряного века Д.С.Мережковского. О том, что он, являясь автором нескольких научных книг, написал еще и утопию XXVII века «Рай земной», упоминает Н.Берберова в своей книге воспоминаний «Журив мой».

Порывшись в алфавитном каталоге университетской библиотеки им. Н.И.Лобачевского, я обнаружила, что за указанным автором числится целый ряд изданий, посвященных специальным вопросам биологической науки. От сложных латинских названий сразу повеяло гербарием и прохладой университетских лабораторий, словом, особым миром науки и духовного сообщества, оторванного от житейских бурь и социальных потрясений. Среди как будто нарочито наукообразных названий затерялась карточка с надписью: **К.С.Мережковский. Рай земной или сон в зимнюю ночь. Сказка-утопия XXVII века (издано в Берлине в 1903 г.)**. Ее присутствие казалось случайностью,

плохо вписываясь в ученые «штудии» автора, и, пожалуй, вызывало некоторое недоумение. Впрочем, все мои сомнения развеялись, как только я познакомилась как с самим произведением, так и с короткой справкой из «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904)» под ред. Н.П.Загоскина (Казань, 1904). Сказочный мир будущего, созданный фантазией писателя К.С.Мережковского, обернулся биологической утопией ученого, специалиста в своей области, мечтающего при помощи достижений родной науки ошастливить все человечество: усовершенствовать социальные отношения и решить проблему общественного благоденствия.

Почему возник такой странный симбиоз назревшей социальной проблематики и биологической науки? Оказалось, ботаник Мережковский интересовался не только диатомовыми водорослями, лишайниками и прочей растительностью. Его очень интересовали вопросы эволюции человеческого вида. В 1880 г. он осуществляет антропологические исследования в Крыму, проведя там раскопки во многих пещерах, и становится одним из соучредителей антропологического общества в Петербурге. Как и все его современники, К.С.Мережковский ощущал (не мог не ощущать!) грядущие перемены и надвигающийся кризис в обществе. Пытливый ум ученого, погруженного в мир биологических открытий, невольно соединяет (точнее, не отделяет) два плана, в которых сосуществует человечество, – стихию природного естества и сложности социального мира. Впрочем, как мы знаем, вопрос о соотношении биологического и социального так и не решен до конца наукой, и их границы в человеческом существе точно еще не установлены до сих пор. Мысля в рамках своей науки, ее категориями, подходя к сложному явлению с названием *Homo Sapiens* прежде всего как к биологическому виду, К.С.Мережковский строит свое, идеальное во всех смыслах пространство.

Онтологическая неопределенность будущего нередко раздражает серьезных ученых, считающих исследования того, что еще не существует, ненаучными. Утопия и явилась таким духовным фе-

номеном, где внимание человека направлено на понимание «отсутствующего» будущего. Нередко к этой форме словесного творчества прибегают и сами ученые. Не претендуя на научную строгость и доказательность, опираясь только на силу воображения и собственные представления о совершенном обществе, мечтатели создают образные картины грядущего мира, выражающие идеализированные представления о будущем. Это есть конкретизированный образ желаемого.

Свойственная утопии установка на совершенство связана с глубоким чувством неудовлетворенности условиями существования в действительном социокультурном пространстве. Кризис устоявшихся ценностей, чувство неопределенности и социальная дезориентированность неизбежно порождают стремление к стабильности и интенсивные поиски возможных путей достижения социальной гармонии. Будущее и так пугает своей неопределенностью, а назревание грядущих перемен, предчувствие социальных катаклизмов еще больше вносят ощущение неустойчивости. Именно в такие периоды появляются утопии, представляя собой «попытку предвосхищающего опережения «закризисного» пространства на основе критического отношения к реальности» [1]. Утопия – это «одна из типичных форм критического осмысления действительности, выражение неудовлетворенности ею, желание преодолеть ее вопиющие недостатки, сопоставить действительное и желаемое» [2]. О.Уайльд с присущей ему афористичностью сказал, что мечта об «идеальном здании грядущей жизни» есть неотъемлемое условие духовной жизни социального сообщества: «Не стоит смотреть на карту, раз на ней не обозначена Утопия, ибо это та страна, на берега которой высаживается человечество. Прогресс – это реализация утопий» [3].

Утопия тем близка художественной литературе, что она выражает индивидуальный взгляд на возможное мироустройство и в значительной мере передает представление о духовном мире ее автора. Конкретно-ценностный характер утопии, ее чувственно-переживаемые образы позволяют выражать не только

идеи, но и сопутствующее им эмоциональное начало, из которого вырастает ощущение достоверности и реализуемости исповедуемых автором идеалов.

Счастьем и безмятежностью пронизаны страницы книги К.С.Мережковского. Тщательно выписанные им картины жизни в далеком XXVII веке не имеют ничего общего с реалиями, окружавшими автора в начале XX века. Однако это не беспочвенное фантазирование, свободный полет ничем не скованного вдохновения художника. Будущее К.С.Мережковского имеет глубокие корни в интеллектуальной атмосфере своего времени, пропущенной через неповторимую индивидуальность авторского образа мыслей. Экзотические цветы биологической утопии подпитываются из почвы всей предыдущей культуры и вырастают как весьма своеобразное сочетание христианства, сказочного мира шекспировских пьес, достижений биологии, цитирования Библии и открытого диалога с идеями Достоевского.

Уже самим названием автор отсылает нас к этим источникам. «Рай земной» соотносится с библейским Эдемом, «Сон в зимнюю ночь» – парафраз названия известной сказочной пьесы Шекспира, невольно навевающей сладостные грезы и вводящей мотив чудесного волшебства. Роль такого волшебного снадобья, навевающего человечеству «сон золотой», отводится биологической науке и ее достижениям. Признаться, странная смесь – этаким коктейль из Библии, Шекспира, биологии и Достоевского вдобавок!

Излюбленная мысль автора, его призыв «Будем как дети!» вводится эпиграфом из Евангелия: «Кто не будет, как дитя, тот не войдет в царствие божие». И действительно, грядущий мир Мережковского – место, где «нет взрослых: старики – и те молоды, а наши взрослые – это дети; по строению тела все люди наши не более чем юноши, а по характеру – настоящие дети, и хорошие, добрые дети» [4].

Почему же Мережковский предлагает человечеству «впасть в детство»? Да потому, что ему надобно всех осчастливить. А, как он считает, в истории человечества образцом «истинно счастливых людей» являются дети, которые

были счастливы во все века и при всех условиях – дикости, тирании, феодализма, капитализма, социализма.

Тема детства неразрывно связана у К.С.Мережковского с темой общественного прогресса. Дети, по его мнению, счастливы потому, что стремятся только к простому, только к легко достижимому. Оттого-то они и довольны своим положением. Своих современников К.Мережковский упрекает за их стремление к недостижимому, видя в этом источник постоянного чувства неудовлетворенности. По этой причине автор не только отрицает прогресс в обществе, но и признает его «отвратительным» и «бессмысленным».

Но ведь взросление – это естественный процесс развития, и Мережковскому как биологу это известно лучше, чем кому-нибудь другому. Задержаться в детстве, оставаясь полноценным здоровым человеком, еще никому не удавалось. И здесь Мережковский вдохновляется идеей научного порядка: надо вмешаться в природу! Уж если мы не можем устроить общество на разумных и добрых началах, не можем договориться между собой, тогда нужно сделать просто – улучшить, усовершенствовать породу людей, изменить их как вид путем естественного отбора, который ранее применялся только... к лошадям, собакам, свиньям(!) – нелестную же оценку дает Мережковский человечеству, ставя его в один ряд с домашними животными, отказывая человеку в праве на разъедающую рефлексию, муки творчества, страдание из-за неразделенной любви. А впрочем, может, и впрямь нам нужен такой взгляд – взгляд биолога, материалиста, игнорирующего человека как духовное существо? Может, и впрямь, счастье – в неразвитом сознании, если сознание – проклятие цивилизации и прогресса, ежеминутно грозящих обернуться бедой для человечества? «Невозможность счастья коренится в самой природе человека, – считает К.С.Мережковский. – Всевозможные системы были испробованы за протекшие столетия, иные по несколько раз, все успехи науки, искусства, техники, вся сложная цивилизация, величайшие подвиги бескорыстной любви и самоотвержения – все это было к услугам че-

ловека, но ничто не могло принести счастья, все разбивалось о его природу...». И отсюда вывод, который напрашивается сам собой, – «нужно было переделать самого человека».

Только «переделку» человечества биолог понимает уж слишком просто: берем человеческую особь и доводим ее до нужной степени совершенства. Биологически. Некое искусственно выведенное счастливое человеческое существо. Счастливое чем? Бездумностью? Да и счастливое ли? И человеческое ли?

Довольное – да, без сомнения: ведь все физиологические нужды удовлетворяются. А духовные? Ведь наличие духовности – это как раз то, что отличает человека от животного мира, выделяет из ряда биологически подобных ему существ.

Каждый день приносит обитателям счастливого острова новое веселье и новые радости, и «одни только радости». «Дети счастливы своим бытием, их радует солнце, море, зелень, они любят гулять, купаться, собирать цветы, главное же их занятие – игры». Но позвольте, ведь игра в жизни ребенка – это приготовление к взрослой жизни, примеривание ее на себя. Да и игры в одиночку, без присмотра опасны для ребенка: он может не усмотреть «взрослых» трудностей, не может предвидеть последствий «детского» (безответственного) отношения к жизни. Детей нельзя оставлять без присмотра. И не только в жизни, но и в сказке. И, взрослый человек, К.С.Мережковский понимает это. Потому в его утопии появляется особая каста «воспитателей», умных и любящих, существующих специально, чтобы заботиться о «детях» и любоваться их «счастьем». «Покровители» – так их называет Мережковский – это хранители знания и исторического опыта, они думают за друзей и оберегают их, устраняют все, что может угрожать их счастью.

Новая система человечества основана на выделении из жизни человеческой трех «несовместимых» (по К.С.Мережковскому) элементов – это труд, ум и счастье. Но... труд всегда мешает людскому счастью, непригоден он и детям – потому автор выделяет этот элемент из человечества и выносит его вонне.

Ум также слишком «едкий» элемент: «соприкасаясь со счастьем, он разлагает его», поэтому автор его также выделит, сконцентрировав в группе «покровителей». «И вот осталось человечество с одним только счастьем, простым, но прочным».

Счастьем... Счастьем ли? И в чем?

Счастьем в свободе? Но у них нет выбора: ведь за них решают все «покровители». Свобода от принуждения – пожалуй. Насилие отсутствует полностью, даже в таких культурных формах, как образование. Люди безграмотны, они не умеют ни писать, ни читать. Любое усложнение вычеркивается из жизни. Стремление к знаниям, у кого оно сохранилось, расценивается как атавизм. Для таких людей предусмотрены отдельные поселения со всякими приспособлениями для научных и художественных занятий. И стерилизация – чтобы «зараза» не размножалась, не разъедала едучей кислотой «счастливого» растительного существования. Выходит, признает Мережковский, что человек не сможет жить вот так, ничего не делая, в вечном детстве, резвясь и играя. И считает это неизбежным – следствием природы человеческой – разъедающую рефлексию человеческого ума, который – хочешь- не хочешь, а занимать надо!

Счастье мыслится Мережковским как непрекращающаяся радость от жизни в красоте. Но, чтобы различать эту красоту и оценить ее с эстетической точки зрения, надо иметь для этого «умный» глаз, натренированное восприятие. Иначе все красоты окружающего мира останутся за порогом восприятия. Поэтому весьма и весьма спорным представляется положение Мережковского о том, что «дети» живут в художественном музее, творения которого созданы одним только великим художником – природой. Жить-то они, конечно, там живут, но вот понимают ли это, осознают ли в полной мере, ведь наслаждение красотой – это еще и духовная работа, умственная операция, которая так противопоказана, по Мережковскому, «счастью». Художественное творчество отвергается безоговорочно: такое наслаждение чревато упорным самозабвенным трудом, самоотдачей, а иногда и прямо сопровожда-

ется тем, что принято называть «муки творчества».

В конце утопии автор приходит к выводу: «Человечество может оставаться вечно счастливым только тогда, когда оно откажется от прогресса и навеки сохранит свое новое устройство неизменным». Наслаждение растительным существованием. Вечное детство...

Утопиям присуще одно свойство – их нельзя считать бесстрастно, как теоретический трактат. Это связано с тем, что их образы легко представимы и переживаются как реальность, создавая у читателя ощущение достоверности, лично пережитого опыта, сталкиваясь с системой его собственных ценностей. Без эмоций никак не обойтись – ведь дело касается будущего, с которым, как правило, связаны надежды на лучшее, на осуществление вековечной мечты человечества о счастье.

Негативную сторону утопий Н.Бердяев видел в том, что они могут сбываться, – так велико их заразительное начало, позволяющее увлечь массы ложной идеей. Поэтому утопия всегда связана с ответственностью, которая рождается как предвидение осуществления идеи.

Сложные чувства оставляет книга К.С.Мережковского. С одной стороны – уважение к уму, напряженно ищущему путь к лучшей жизни. С другой – опасливое чувство, что, не дай Бог, такая мечта могла бы осуществиться...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барбасов А.В.* Утопия и теоретическое исследование будущего // *Философские науки.* – 1990. – №4.

2. *Чистов В.К.* Утопии и современность // *Русские утопии.* – СПб, 1995.

3. Цит. по: *Бугров В.Д.* Утопия в России: к истории развития литературного жанра во 2-й половине XVIII – 1-й трети XX в. // *Дергаческие чтения – 2000.* Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 2001.

4. *Мережковский К.С.* Рай земной или сон в зимнюю ночь. Сказка-утопия XXVII века. – Берлин, 1903.

С.В.Синцова,

*кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института экспериментальной
эстетики «Прометей»
(АН РТ – КГТУ им. А.Н.Туполева)*

НАШ ЗЕМЛЯК А.В.ВАСИЛЬЕВ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1905–1907 гг.

Прошло 150 лет со дня рождения Александра Васильевича Васильева – заслуженного ординарного профессора по кафедре чистой математики Казанского университета, возглавлявшего в 1906–1907 гг. его физико-математический факультет, известного общественно-го и политического деятеля. Он родился 24 июля (4 августа) 1853 г. в Казани. Профессора Васильева хорошо знали и принимали не только в казанских кругах. Регулярно получавший заграничные командировки, он принимал участие в организации международных конгрессов по математике и философии, состоял сотрудником нескольких иностранных журналов и членом ряда математических обществ¹. В течение своей службы в разных уголках России ему приходи-

лось читать курсы математического анализа. Советская историография не уделила достаточно внимания изучению многогранной деятельности А.В.Васильева. В этой связи весьма значима вышедшая в свет в 2002 году брошюра В.А.Бажанова «Александр Васильевич Васильев, 1853–1929: ученый, организатор науки, общественный деятель». В предлагаемой статье впервые освещаются политические взгляды А.В.Васильева, связанные в основном с его деятельностью в I Государственной думе и с некоторыми злободневными вопросами общественной жизни начала XX в.

Как известно, Россия на рубеже XIX–XX вв. переживала весьма сложный и противоречивый период. В условиях социального напряжения, которое достиг-